

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2014

Б. Дж. Хофф

Дитель БЛАГОДАТИ

* КНИГА ВТОРАЯ *

ББК 86.37
Х85

Перевод с английского

Originally published in English under the title:
WHERE GRACE ABIDES
by B. J. Hoff

Published by Harvest House Publishers,
Eugene, Oregon 97402
www.harvesthousepublishers.com

Translated by permission.
All rights reserved.

Хофф, Б. Дж.

Х85 Обитель благодати / Пер. с англ. — СПб.: Виссон, 2014. — 432 с.
ISBN 978-5-905913-51-8

Во второй книге трилогии «Хроники округа Риверхаузен» автор многих бестселлеров Б. Дж. Хофф представляет читателям новую череду незабываемых характеров и коллизий. «Обитель благодати» — это нежный любовный роман о духовном паломничестве людей, трогательная история из жизни амишей, которая происходила в прошлом, но обращена в настоящее.

ББК 86.37

ISBN 978-0-7369-2419-1 (англ.)
ISBN 978-5-904737-51-8 (рус.)

© B. J. Hoff, 2009
© Издательство «Виссон», 2014

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Эта книга рассказывает о жизни амишей. Но кто такие амиши, где они живут и что объединяет их общины в церковь?

Амиши или аманиты (сами себя они нередко называют *скромные люди*) — последователи радикального протестантского движения, основанного эмигрировавшим в Эльзас швейцарским священником Якобом Амманом. В 1693 году его сторонники откололись от меннонитов. В 1712 году французский король Людовик XIV за пацифизм изгнал из страны всех амишей. Большинство изгнанников поселились в соседних странах, а около трехсот человек отправились в Америку. После наполеоновских войн эмиграция амишей в Америку усилилась. Сегодня их численность там составляет около 150 000 человек. Живут они преимущественно в штатах Огайо, Пенсильвания и Индиана; небольшая группа амишей обосновалась в канадской провинции Онтарио.

Главная особенность вероучения амишей — строгое соблюдение установлений Священного Писания, в частности об отделении церкви от государства, и аскетичный образ жизни. Братья и сестры, нарушившие закон, изгоняются

из общины, и поддерживать с ними отношения запрещено. Крещение амиши принимают в сознательном возрасте, после чего главным для них становится *рождение свыше*, то есть осознание необходимости изменения ума и духа в соответствии с Божьей волей, примирение с Богом через искупительный подвиг Иисуса Христа, примирение с братьями и сестрами и служение ближнему при полной изоляции от внешнего мира. Почти все амиши по возможности отказываются от использования технических средств, ездят в старинных повозках на конной тяге, пашут землю плугом, носят одежду и головные уборы определенных цветов и фасонов, женатые мужчины не бреют бороду. Амишам запрещено служить в армии. Браки они заключают только с амишами. Культовых зданий у них нет, и молебны проходят в домах членов общины, причем язык богослужения амишей — архаичный (XVIII века) литературный немецкий, а язык общения — один из диалектов разговорного верхненемецкого, так называемый *пенсильванский немецкий*. Английский язык амиши учат в школе и используют для общения с внешним миром.

Оказавшийся в центре предлагаемого вам повествования округ Риверхавен, штат Огайо, как и городок Риверхавен, является вымыслом автора, а вот сам штат Огайо расположен на северо-востоке США, и в наши дни в нем проживают примерно 45 000 амишей.

И еще одно важное пояснение. В первой половине XIX века США были страной наполовину рабовладельческой, наполовину свободной. С целью освобождения рабов там практиковалась тайная переправка их с юга на север страны или

в Канаду. Инициативу в этом деле взяли на себя несколько религиозных общин. Законы о беглых невольниках, принятые в 1793-м и 1850 годах, предусматривали их поимку и возвращение прежним хозяевам, но люди были готовы к ненасильственному неповиновению законам, которые они считали несправедливыми. Движение получило название *подпольной железной дороги*, потому что его участники пользовались терминологией железнодорожников. *Проводник*, хорошо знающий местность, переправлял одного или нескольких невольников, или *пассажиров*, со *станции*, которой обычно служил дом сочувствующего *начальника станции*, на другую *станцию*, и так далее, пока беглецы не оказывались на свободной территории. Обычно люди передвигались под покровом ночи. Это было чрезвычайно опасным делом: в случае поимки *проводникам* и *пассажирам* в равной мере грозило суровое наказание вплоть до смертной казни. Хотя *проводников* и *начальников станций* было относительно мало, их усилиями были освобождены десятки тысяч рабов. Героизм борцов за свободу способствовал росту настроений против рабства, что в конечном итоге привело к принятию в 1862 году Прокламации об освобождении, а в 1865-м — Тринадцатой поправки к Конституции, запрещающей рабство и принудительный труд, кроме наказания за преступление.

ОТ АВТОРА

Прежде всего признаюсь в том, что нахожусь в неоплатном долгу перед издательством «Harvest House Publishers». Порази-тельно, сколько верующих людей принимают здесь участие в процессе подготовки рукописи к печати от самых первых шагов до момента реализации тиража! Чтобы делать это мастерски, Богом призванные к служению люди применяют все свои многочисленные и разнообразные умения и дарования. Я снова и снова благодарю всех работников издательства за стремление выпускать в свет книги, выходящие из-под моего пера, в превосходном виде. Если я попробую просто назвать каждого из вас, то непременно забуду кого-нибудь упомянуть. Мне остается лишь уповать на то, что вы и без моих слов знаете, чего стоите, а также, надеюсь, то, как высоко я вас ценю. Порой мои книги пишутся долго и трудно, порой, бывает, даже уныло, и если бы не ваша помощь и поддержка, которыми вы меня всегда одариваете, то одному Богу известно, увидели бы они свет или нет.

Примите мою искреннюю благодарность и признательность.

Ник Харрисон, мой благосклонный и бесконечно терпеливый редактор. Я в полной растерянности, поскольку не в со-

стоянии достойно оценить твой сделанный с радостной решимостью вклад в подготовку моих книг к печати. Мне искренне жаль, что мои читатели лишены возможности узнать о том, как много редакторы вроде Ника вносят в писательские сочинения. Что касается меня, то я убеждаюсь в этом постоянно и поэтому за все чрезвычайно тебе благодарна.

Шейн Уайт, мой первейший двигатель и неутомимый вдохновитель на достижение истинного совершенства. Спасибо тебе за твой неизменный оптимизм и веру в нас, сочинителей. Ты — наш герой.

Джанет К. Грант, мой бесконечно терпеливый и кроткий литературный агент, наполняющий песню «Ты — ветер в моих крыльях» новым смыслом. Я так благодарна тебе, милая, и ты знаешь, почему.

Келли Стэндиш и вы, гении из «PulsePoint Design», которые молятся за меня и несут ответственность за все технические аспекты моего проекта. С вами я чувствую себя как за каменной стеной. Вместе вы — совершенно невероятная команда.

Моя семья — все вы, мои драгоценные. Многие годы вы не просто делаете все, чтобы мои книги увидели свет, но и всячески облегчаете мой труд. Через вас всю мою жизнь меня благословляет Господь, и я об этом никогда не забываю.

И, наконец, мои читатели! Позвольте мне вновь заверить вас в том, что я уже твердила множество раз. Да благословит вас Господь за все замечания в электронных посланиях, написать которые вы нашли время, за все молитвы, которые вы вознесли обо мне Богу, за чтение моих историй и сопереживание излияниям моего переполненного любовью к вам сердца!

свои воды к иным местам, которые Рахиль вряд ли когда увидит.

Ранней весной Гэнт признался ей в любви. Он уверял, что хочет взять Рахиль в жены. Спрашивал, согласна ли она выйти за него замуж, и даже уверял ее в том, что станет амишем, если она согласится сочетаться с ним браком.

«Если бы вы не были амишской женщиной, а я не был бы *энглишером**, — спрашивал он, — вы бы вышли за меня замуж?»

Рахиль призналась ему, что вышла бы, ведь она любила его тогда и любит сейчас. Больше самой жизни, вот как она любит Иеремию Гэнта!

Два блаженных месяца Рахили верилось, что их брак возможен. Она вела себя, как глупая школьница с ветром в голове, не умея ни о чем помыслить без чего-либо не связанного с Гэнтом. При этом она едва сдерживалась, чтобы даже маме не поведать о крепнущей день ото дня любви.

Разумеется, становящиеся все более зрелыми отношения мамы с доктором Себастьяном помогали Рахили хранить в тайне собственные сердечные дела, по крайней мере, делали это задачей менее трудной,

* *Englischer (нем.)* — английский; так амиши называют всех белых американцев, не принадлежащих к числу амишей. — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат переводчику.*

нежели та была бы в иных обстоятельствах. В другие времена острый глаз мамы на малейшие перемены в состоянии ее детей почти наверняка подметил бы в поведении старшей дочери первые проявления и редкостной неугомонности, и почти головокружительного блаженства с появляющейся в самые неожиданные моменты загадочной улыбкой.

А разобраться в том, что происходит в сердцах ее детей, Сусанна Канаги постаралась бы самым доскональным образом.

Как трудно хранить сердечные тайны! Иногда Рахили приходилось рукой зажимать рот, чтобы из него не вырвалось громкое признание в любви к Иеремии и в том, что он в свою очередь тоже ее любит. Впервые с момента смерти Илия — а с тех пор минуло уже четыре года — она взбодрилась и стала воспринимать жизнь уже не с затененной, а с солнечной стороны.

Здесь впору напомнить читателю, что «скромные люди» не обсуждают свои романтические чувства даже с близкими родственниками. Начинать делиться ими допустимо только за две недели до свадьбы, то есть после помолвки. Традиционные свидания юных амишей по обыкновению проходят тайно. Милующиеся пары обычно встречаются под покровом ночи. Родители и другие члены обоих семейств, узнав о похождениях юных любовников, предпочитают делать вид, что ничего не замечают.

Любовь Рахили и Иеремии была отнюдь не «обычной»: за нежные чувства к *ауслендеру** Рахиль могли изгнать из общины. И хотя «скромные люди», по всей видимости, придерживались высокого мнения о бывшем капитане речного судна, узнай они, что женщина из амишской общины позволила себе полюбить человека «внешнего», не принадлежащего к их кругу, выслушать его сердечные признания и даже принять его в свои объятия, какими бы целомудренными они ни были, со стороны церковного начальства на нее непременно обрушились бы большие неприятности. Да, Рахиль наверняка не избежала бы самого страшного наказания — *мейдунга***, ибо «скромные люди» должны находить себе женихов и невест среди «скромных людей», и никак иначе.

Даже мама и доктор Себастьян никогда не выражали полной уверенности в том, что рано или поздно смогут сочетаться браком. Многие годы Давид Себастьян подвизался в Риверхавене в качестве врача. Амишская община питала к нему чрезвычайное

* *Ausländer* (нем.) — иноземец, иностранец.

** *Meidung* (пенс. нем. от нем. *meiden*) — букв. удаление, устранение; дисциплинарное взыскание у амишей в виде отлучения от церкви и изгнания из общины за нарушение религиозных или общинных правил.

уважение и встречала его исключительно приветливо. Он доказал свою преданность и надежность, живя среди амишей и изучив их язык. Касаясь в разговоре любого относящегося к амишской вере вопроса, он сообщал об искреннем намерении принять эту веру. И все же минуты, которые они с мамой могли провести наедине друг с другом, выпадали крайне редко и проходили, понятное дело, втайне от чужих глаз.

Стремление друга амишского народа принять его веру могли засвидетельствовать все знавшие его люди; горячее сочувствие оно встречало и у церковного начальства.

Между тем сердечные тайны Иеремии — иное дело.

За последние три недели Рахиль видела Иеремию всего раз — в столярной мастерской, которую тот приобрел у Карла Веббера, но там все время их нечаянного свидания находился и работавший на Иеремию брат Рахили Геден. Парень, несомненно, думал, что сестра приезжает в мастерскую лишь затем, чтобы с ним повидаться, и она, разумеется, не осмелилась бы его разубеждать.

Конечно, Рахиль всегда была рада встрече с братом, в особенности после того, как он оставил амишскую общину, чтобы проложить в этой жизни свой путь. Тем не менее она надеялась хотя бы на пару минут остаться наедине с Иеремией.

Но на что рассчитывала Рахиль, если бы ей *улыбнулась* удача поговорить с ним с глазу на глаз?

Вряд ли она решилась бы откровенно спросить Иеремию, не переменялись ли его к ней чувства, хотя именно этот вопрос беспокоил ее больше всего. Капитан не совершил ничего такого, что заставило бы ее думать иначе, однако он и пальцем о палец не ударил, чтобы встретиться с ней наедине, и, как ей стало известно, ничуть не продвинулся в своем намерении стать амишом, хотя в осуществлении этого намерения заключалась их единственная надежда стать мужем и женой.

Иеремия знал, что Рахиль не оставит амишской общины, и обещал ей, что никогда не станет просить ее об этом, тем самым признавая, что должен перемениться сам. Рахиль поставили в известность, что при всем том он не предпринял в этом направлении ни одного реального шага.

А что если она неправа? В конце концов, Иеремия знает, что ей запрещено находиться в его обществе. Может быть, желание мужчины держаться в стороне от любимой женщины продиктовано его нежеланием подставлять ее под удар?

И как она может быть уверена в том, что Иеремия *не* обсуждает с церковным начальством возможности своего обращения в амишскую веру? Не исключено, что именно церковное начальство затягивает решение этого вопроса.

Усилия отыскать разумное объяснение нынешним обстоятельствам ничуть не ободряли Рахиль. Август уже в разгаре, а воз, похоже, и ныне там. Минуло четыре с лишним месяца, как ее отношения с Иеремией заморозились на том уровне, на котором проявились в апреле.

Вопросы, сомнения и, видимо, бесконечное ожидание начали омрачать неожиданное счастье Рахили. К тому же стала умаляться ее вера в любовь Иеремии: вместо доверия любимому человеку сердце женщины начали теснить разочарование и грусть.

А Рахили хотелось верить Иеремии и верить в него. Временами она была почти убеждена в том, что Сам Бог направил в Риверхавен его стопы. Иеремия же уверовал в то, что рано или поздно они преодолеют все преграды и будут вместе. Рахили отчаянно хотелось разделить эту его веру.

Но пищу для опасений она находила еще и в другом: не впадает ли она в грех, принимая *свою* волю за Божью? Не поддается ли соблазну избавиться от одиночества, быть любимой и любить самой? И не *придумала* ли она, что Иеремия — это ответ слышен на молитвы, которые она не уставала возносить к небесам?

Стыд и горькое чувство унижения сковали Рахиль. Не была ли она столь глупа и наивна, что попала в ловушку лжи самой себе? Ужасное дело — строить до-

гадки о Господе Боге, еще хуже — выдавать свои соблазны за Его волю.

Сможет ли она когда-нибудь себя простить, если ее любовь и мечты — не что иное, как грезы и самообман?

Правильнее было бы спросить, простит ли ее *Бог*?

ОТВЕТ ЕПИСКОПА

*Подобно валку, вращается жизнь человека
 В станине ткача по имени Время.
 Трудится ткач, снуют челноки,
 Лишь вечность проявит узор...
 Первый челнок влечет нить серебра,
 Второй подает золотую,
 Третий тянет темную нить...
 Такие узоры замыслил Господь,
 Что всякая нить, светла иль темна,
 Равно с любовью оплетает основу...
 Провиденьем мудрым темные нити узора
 Потребны ткачу больше нитей из золота и серебра.*
 Незвестный автор

Иеремия Гэнт пребывал в дурном расположении духа.

По существу, вот уже две недели он тосковал, и время — лучший лекарь подобных напастей — положения дел не меняло. Более того, оно не оставляло ему никакой надежды, да и сам он свои возможности не переоценивал.

Таким безрадостным казалось все этим утром и таким убогим, что Гэнт отослал Гедео на развозку товара, хотя дело могло потерпеть до завтра и даже

до послезавтра. Геден Канэги нравился Гэнту. У брата Рахили были золотые руки ремесленника, и работал он с полной отдачей, так что жалеть о том, что после приобретения капитаном столярной мастерской парень остался в ней работать, не приходилось. Но сегодня утром Гэнту необходимо было побыть одному. За работой с деревом, причем наедине с самим собой, ему думалось легче.

А Гэнту надо было хорошенько подумать.

Когда у незапертой входной двери зашелся сиплый колокольчик, Иеремия, недовольный вторжением непрошеного гостя, заскрипел зубами. Он оторвал взгляд от стола, который шлифовал шкуркой, и увидел Давида Себастьяна, но даже при виде друга не выказал ничего похожего на радушие — увы, еще одно свидетельство того, в каком дурном расположении духа пребывал Гэнт.

Доктор, или попросту Док, явился в своей с некоторых пор обычной одежде, которую Иеремия именновал «почти что амишской». Давид считался одним из «приближенных», то есть одним из тех, кто скоро будет обращен в амишскую веру, а значит, уже сейчас обязан носить соответствующее одеяние: рубашку темного цвета, брюки на подтяжках и в довершение образа широкополую соломенную шляпу.

В иных обстоятельствах Гэнт был бы рад такому визиту. Несколько месяцев назад между ним и доктором

зародилась настоящая дружба, и это несмотря на то, что Док был британцем, а Гэнт — ирландцем. Но сегодня, видя этого человека в амишском одеянии и почти наверняка зная, в каком направлении потечет их беседа, Гэнт не испытал ни малейшего желания избражать радость и проявлять дружеские чувства.

Доку предстояло сочетаться браком с женщиной, ставшей его величайшей любовью. Таинство должно было состояться тотчас по обращении доктора в амишскую веру. Ни для кого не секрет, что предметом его страсти была Сусанна Канаги — мама Рахили.

Рахиль же была женщиной, на которой хотел, но не мог жениться Гэнт.

— Весьма хорош, — заметил Док, подойдя к противоположному концу стола.

Гэнт пожал плечами:

— Еще бы... Я его делаю для мисс Марш.

— Для Пенелопы Марш? — Гэнт утвердительно кивнул. — Честно говоря, дама она взыскательная, если не сказать капризная. Но вас она, видимо, признала. Раньше, бывало, ей не нравилась ничья работа, если не брать в расчет Карла Веббера.

— А куда ей деваться? Кроме Гедеона столяров в городе нет.

— А где же сам Гедеон? — спросил Док, обводя глазами мастерскую.

Гэнт снова принялся шлифовать стол:

— Развозит товар.

— Ладно, я завернул сюда на минутку, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение. А у вас как будто много работы?

Заслышав искустельную нотку в голосе доктора и прервав работу, Гэнт процедил сквозь зубы:

— Не так чтобы много...

— Я вовсе не желаю вас от нее отрывать.

— Я же сказал, что работы у меня немного.

Давид окинул друга зорким профессиональным взглядом. Гэнт узнал этот взгляд, ведь когда-то он был пациентом доктора Себастьяна.

— Что случилось? — спросил Док.

— Все нормально, — тут же ответил Гэнт и попытался переменить тему разговора: — В последнее время вы чудесно выглядите — как настоящий амиш. Когда отпустите бороду?

— Ближе к свадьбе.

Хорошенько присмотревшись к другу, Гэнт заметил:

— Вы знаете, борода прибавит вам несколько лет.

— А мне это неважно! Главное, чтобы Сусанна вышла за меня замуж. И нечего скалить зубы: вам самому предстоит пройти то же самое, когда вы получите ответ от епископа.

Гэнт вновь принялся шлифовать столешницу:

— Я уже получил от него ответ.

Несколько секунд Док молчал, словно проглотив язык, а затем выдавил из себя:

— И что же?

Гэнт с силой прошелся шкуркой по столу:

— Он ответил мне «нет».

Раздался долгий выдох доктора.

— «Нет» — окончательно или «нет» — может быть?

— Решение окончательное. Обжалованию не подлежит.

— И что же вы собираетесь делать?

Гэнт снова оставил работу:

— Я *мало* что могу тут поправить. Добрый епископ считает меня недостаточно достойным того, чтобы быть амишем.

У Дока на миг перехватило дыхание.

— А что он вам сказал... в точности?

— На самом деле епископ мало что сказал. Он сомневается насчет серьезности моих намерений. Попросту говоря, он боится, что я хочу стать амишем лишь затем, чтобы жениться на Рахили, а этого едва ли довольно.

Гэнт замолчал. Повисла долгая томительная пауза. Наконец доктор нарушил молчание, и было видно, как тщательно он подбирает слова:

— Ну, что же... все, что сказал вам епископ, соответствует истине, только не знаю, правильно ли так

рассуждать. — В ответ Гэнт не проронил ни слова. — Но вы постоянно *должны* иметь в виду... одну вещь. Вы мне не раз говорили... Вы ведь убеждены в том, что сможете добиться своего, если этого *захотите*...

— Разве об этом сейчас речь? Разве о моем хотении? — перебил друга Гэнт. — Важнее то, чего хотят амиши, а они, понятно, видеть меня амишем не хотят.

— То есть вы складываете лапки?

Все более распаляясь от вопросов друга, Гэнт едва сдерживался, но старался говорить как можно спокойнее:

— Вы лучше меня знаете епископа Грабера. Может быть, я просто чего-то не понимаю? Его «нет» я понял как то, что он принял окончательное решение.

— Наверное, он все-таки оставил вам лазейку... некую надежду...

— Ничего подобного он мне не оставил. Разговаривал он со мной вежливо, пожелал всего самого доброго, но напрямую посоветовал держаться подальше от Рахили.

— Она об этом знает? — Гэнт отрицательно покачал головой. — А когда вы говорили с епископом? Несколько *недель* назад? И вы до сих пор не рассказывали ей об этом?

Гэнт уже скрежетал зубами:

— Как же? Как я мог о чем-то рассказать Рахили, если мне запрещено к ней приближаться?

С Рахилью мне не положено даже разговаривать, дабы не искушать ее земными соблазнами. Как мне поделиться с ней дурным известием, когда ей от этого не поздоровится?

— Да нет же, все не так, и вы должны это понимать!..

Док пошаркал ногами и приготовился сесть на любимого конька — восхваление «скромных людей», но Гэнту на сей раз не хотелось слушать друга. По крайней мере, его размышления на эту тему.

— Нет, все обстоит именно *так*, как я говорю. Это просто изуверство, и ничего более.

— О, ради Бога! Попридержите свой ирландский язык и выслушайте меня!

Гэнт откинулся в кресле и уставился на Дока. Не было другого человека за пределами Ирландии, который мог позволить себе заговорить с ним в таком тоне и при этом избежать суровых последствий. Было видно, с каким трудом в этом незавидном положении ему удастся держать себя в руках.

Оглядевшись вокруг, Док плюхнулся в стоящее около стола кресло, которое заказала и уже выкупила мисс Пенелопа Марш, и оказался как раз напротив Гэнта.

— Поймите же: епископ пытается держать вас в стороне от Рахили не из страха, что вы искусите ее земными соблазнами.

— Ах, вот оно что! — Гэнт не старался смягчить в своем голосе явный сарказм.

— Да уж, можете мне поверить. Неужели непонятно, что вы для амишей — символ «внешнего» мира? При чем здесь ваша личность или ваш характер? Вы для них — типичный *ауслендер*. Посторонний. И не забывайте: амиши убеждены в том, что должны жить изолированно от «внешнего» мира. Они свято блюдут это установление.

Угрюмые морщины придали Гэнту особую внушительность.

— Вас-то они приняли.

— Не сбрасывайте со счетов то, как долго они меня знают. Я пользовал их в течение многих *лет*. Я стал им другом. В конце концов, они просто мне доверились и...

От дальнейших объяснений Гэнт отмахнулся.

— Знаю-знаю, — сказал он, справившись, пусть и не без труда, с приступом раздражения. Затем он выдержал прямой взгляд Дока. — Давайте ближе к делу. Вы для амишей — свой человек. Я ведь не зря вам говорил, что вы — без пяти минут амиш: вы уже во многом и внешне, и внутренне походите на амиша. В то же время я прекрасно понимаю, что между мной и амишами пролегла пропасть.

Давид посмотрел на Иеремию с нескрываемой симпатией. Глаза доктора часто были полны

нежности — вообще-то Давид Себастьян слыл кротким добряком, — но теперь весь его вид демонстрировал еще и крайнюю степень торжественности.

— Послушайте, друг мой. Я понимаю, что говорить так у вас есть все основания, но я должен попросить вас задуматься вот о чем. А вдруг епископ прав? Если вы хотите присоединиться к амишской общине только потому, что возжелаете Рахиль, то в конечном счете это может для вас обоих обернуться скорбью. Я знаю, что вы ее любите и не желаете причинить ей страданий...

Гэнт провел ладонью по шее:

— Неужели вы думаете, что сам я сто раз не терзался тем же вопросом? Что я, по-вашему, дурнее паровоза, Док? Разумеется, мне не хочется обидеть Рахиль. Чего бы я только ни дал, чтобы ее не обидеть! Впрочем, по правде говоря, я и сам не уверен, что Рахиль — не единственное мое основание к тому, чтобы стать амишем. — Глубоко вздохнув, капитан продолжил: — Наверное, все не так просто, как мне еще недавно казалось. Вот о чем я давеча подумал: а прав ли я на самом деле? И знаете: я начал беспокоиться, ведь если бы не Рахиль, мне бы и в голову никогда не пришло становиться амишем. Но что будет с Рахилью, если я *не* приму амишской веры? Вот это теперь все больше меня тревожит. Когда мы с ней в последний раз разговаривали, я понял, что она сама

себя убедила, мол, все наладится и меня примут в общину, и хотя, быть может, ждать этого придется долгое время, в конечном счете все образуется. — Гэнт слегка наклонился вперед: — Что испытает Рахиль, узнав, что я получил от ворот поворот? Что нам никогда не быть вместе — ни теперь, ни в будущем?

Док тяжело перевел дыхание:

— Как что? Ей будет ужасно обидно. Страшно подумать, как она переживет это известие. — Помолчав, он добавил: — Придется, наверное, кое-что предпринять прямо сейчас, например что-нибудь придумать для того, чтобы помочь переубедить церковное начальство.

Гэнту очень хотелось разделить ход мыслей друга, однако что-то в нем показалось ему чреватым еще одним разочарованием.

— Ну, вам лучше знать, но, по-моему, все это наверняка безнадежно. И вот еще что я хочу вам сказать: мне не кажется, что это справедливо. Никакой церкви не следует доверять над своими членами до такой степени, чтобы диктовать им, с кем разговаривать, с кем проводить время и за кого выходить замуж.

Давид внимательно посмотрел на Гэнта, затем помолчал, словно что-то обдумывая, и наконец заговорил.

— В данном случае речь не идет о справедливости, — сказал он. — Просто так бывает у «скромных

людей», так у них всегда получается. В основе их веры лежит убеждение в том, что Бог желает их отделения от мира, чтобы они жили сами по себе и были сообществом только внутри себя и для себя. Несколько веков подряд они исповедуют эту веру и меняться не собираются. — Доктор стал тихонько барабанить пальцами по столу. — Вы же знаете, что здесь, в Штатах, амишей когда-то преследовали за веру. Но это еще что: в Европе они были гонимы куда более жестоко — там их *предавали мученической смерти*, а если не уничтожали физически, то преследовали по закону, заключали в темницы, сгоняли с родных мест — и все из-за их убеждений. Амиши не отрешились от своей веры перед лицом такого ужаса, поэтому будьте покойны: они не откажутся от своих убеждений и теперь. — Док сделал паузу. — Если вы решили убедить Рахиль ради вас оставить амишскую общину, то лучше выбросите это из головы.

— Я не собираюсь ее ни в чем убеждать, — прервал его Гэнт.

Точнее говоря, он не собирался ее упрашивать, поскольку было бы подло рассчитывать на подобную жертву с ее стороны... Либо он уже знал, что она ему *откажет*?

— Не обижайтесь, — мягко попросил Док. — Знаете, иногда можно быть настолько убежденным в чем-то, настолько в чем-то уверенным, что кажет-

ся, будто ничто не поколеблет нашей веры, потому что такова Божья воля. Но так, оказывается, бывает далеко не всегда, и тогда мы гневаемся на Бога. Мы даже думаем, что Он специально вводит нас в заблуждение. Но Бог никогда нас не обманывает, никогда не сбивает с пути истинного. Наоборот, Он часто возвращает нас со скользкой дорожки на истинный путь, как бы обидно нам при этом ни было. — Глядя Гэнту прямо в глаза, Док вдруг замолчал. — Вам, дружище, надо принять важнейшее для себя решение, но в основании его должна лежать ваша абсолютная уверенность в том, что вы принимаете это решение исходя из достойных и справедливых оснований.

— Тогда я, скорее всего, не приму такого решения, — пробормотал Гэнт. Он запнулся, но тут же продолжил: — А сами-то вы как? Вы ведь принимаете амишскую веру, чтобы взять себе в жены Сусанну. И не говорите, что за этим кроется что-то еще.

Подобное нахальство, похоже, не слишком взволновало Дока.

— Хотите верьте — хотите нет, но мое желание жениться на Сусанне послужило тем стрекалом, в котором я так нуждался. К тому же я, как вы сказали, стал почти что амишем, по крайней мере, я хочу походить на амиша. Будучи врачом амишей и, если уж на то пошло, их другом, за долгие годы я достаточно хорошо узнал этих людей и их образ жизни, чтобы

понять, что желаю быть им братом. Мне хочется покоя, простоты, отказа от всего наносного ради общения с Богом. Я принимаю амишский путь и *хочу* этого не только ради Сусанны. А вы можете сказать о себе нечто подобное?

Повисла долгая пауза. Гэнт честно выдержал пристальный взгляд друга и только потом отвел глаза.

— То-то и оно, что не *знаю*. Выше головы не прыгнешь.

— Хорошо... Признáюсь, я не держу вас за труса и думаю, что вы не спасуете перед трудностями. Когда-нибудь вы поймете, что готовы принять решение исходя из достойных и справедливых оснований, потому-то, мне кажется, вам не стоит воспринимать нынешний отказ епископа Грабера как окончательный. Не думаю, что вам не видать света в конце тоннеля.

— Вы чего-то недоговариваете... — с кислым выражением лица обронил Гэнт.

Док дернул плечом:

— Да нет. Полагаю, я сказал вам достаточно много. Справитесь с хандрой, приходите ко мне вечером — поиграем в шашки.

— Вам еще можно играть в шашки? — проворчал Гэнт.

— О, и после обета амишской церкви я буду побивать вас в шашки. Насколько мне известно, эта игра

сочетает в себе приятное с полезным. Это признают даже амиши.

С этими словами Док распрощался и вышел вон, оставив Гэнта наедине с его плохим настроением.

Одно было ясно: слова Дока добавили настроению капитана известный оттенок. Иеремии следовало поразмыслить над услышанным. Особенно над тем, что Док не держит его за труса. Трусом капитан действительно никогда не был. По крайней мере, до сих пор. Хотя... может быть, Док прав: не надо принимать отказ епископа за окончательный.

Что-что, а этого ему совсем не хотелось.

Впрочем, для начала Гэнту следовало справиться со своей мерзкой хандрой, а потом задуматься над той небольшой лекцией, которая только что была прочитана ему Доком.

КОГДА УГАСАЕТ НАДЕЖДА

*Крепись, мое сердце,
Взирая на свет!*

Аделаида Анна Проктер

Заслышав знакомый звук — стук лошадиных копыт, — Рахиль с силой *встряхнула* садовую лейку, и на клумбу вылились последние слабые струйки воды. Она обернулась и, козырьком приложив ладонь ко лбу, всмотрелась вдаль. При виде знакомой фигуры всадника молодая женщина тотчас почувствовала, что вот-вот задрожит всем телом.

«Иеремия».

Вечерняя заря уже начинала тускнеть, но света, чтобы в силуэте высокого с безупречной выправкой ездока распознать любимого ею человека, было еще довольно. Приближавшийся к ее дому всадник был в низко надвинутой на лоб фуражке, которую Фанни, сестра Рахили, окрестила капитанской, но без куртки, поскольку день по обыкновению для августа выдался жарким и душным.

Рахиль поставила лейку на скамью, но не сделала и шага, чтобы выйти за садовую ограду и встретить Гэнта. Последний раз они виделись около двух недель

назад. Умом Рахиль понимала, что встречаться им не положено (что может быть общего между *ауслендером* и ею, одинокой амишской вдовой?), но разлука с любимым ее обижала и расстраивала.

Завидев Иеремию, Рахиль расстроилась еще больше.

Вот он прыгнул с крупного рыжего мерина, которого нарек странной для британского уха кличкой Фланн, и привязал его к заборному столбу. Затем, тяжело опираясь на трость, направился в сторону Рахили. Она обратила внимание на его по-прежнему заметную хромоту, хотя прошло уже несколько месяцев с тех пор, как в него стреляли.

Доктор Себастьян не раз говорил Гэнту, что тот обречен хромать всю оставшуюся жизнь, хотя от трости он, скорее всего, со временем откажется. Неуверенной походкой, если не сказать едва переставляя ноги, Гэнт приближался к Рахили, и ее это терзало. Высокий — на голову выше местных мужчин, — капитан к тому же был необыкновенно суров на вид и производил впечатление человека бывалого, привычного ко всему, за исключением перемежающейся хромоты. По всей видимости, его тревожили сильные боли в поврежденной ноге, а иначе как можно объяснить то, что при всяком неловком движении он вздрагивал всем телом или вдруг спотыкался на ровном месте?

Рахиль старалась не дать себя разжалобить, поскольку Иеремия — она хорошо это знала — был человеком гордым и не потерпел бы никакой жалости, узнай он о том, что она всегда его жалеет в связи с его увечьем.

Глаза приближавшегося с каждым шагом Гэнта встретились с глазами Рахили, да так и застыли. Впрочем, когда он к ней подошел, его твердый взгляд обратился в любящий.

— Рахиль, — молвил он с нежностью, с которой всегда произносил ее имя. Это был даже не шепот — это был едва ли не вздох.

Рахиль хотела что-то сказать, но голос ей не повиновался, так что женщине осталось просто кивнуть.

Несколько мгновений Гэнт молча на нее смотрел, но так, что под его взглядом щеки Рахили вспыхнули румянцем, между тем как его лицо приняло необыкновенно серьезное выражение.

— Нам надо поговорить, — сказал капитан.

Рахиль невольно огляделась.

Рот Гэнта стал как сжатая до отказа пружина.

— Вас не осудят за то, что вы стоите со мной на виду у всех? Да еще среди бела дня?

— Не думаю...

— Разговор важный, Рахиль.

Он выдержал пристальный взгляд молодой женщины, и она вдруг, охваченная ужасным предчувстви-

ем, поняла: какие бы слова он ей ни сказал, это будет то, чего ей слышать не надо.

Разумеется, надо скорее пригласить Иеремию в дом: их не должны видеть вместе. Хотя, если кто-то заметит его коня, все узнают, кто гостит у Рахили. Ни у кого из «скромных людей» не было коня такой масти и свирепости, и всякий в округе знал, чье это животное.

— Нехорошо, если вас увидят со мной...

— Не в этом дело...

Но дело было как раз «в этом». Рахили запрещено встречаться с Иеремией. Он *ауслендер*. Чужой. Посторонний. «Внешний». У Рахили и Гэнта не может быть уважительной причины быть вместе. Даже теперь, раззолоченная закатным солнцем, за разговор с чужаком Рахиль рискует собственной репутацией, навлекая на себя пересуды и кое-что похуже.

«Но Иеремия мне не чужак! Я его спасала, я выхаживала его в своем доме. Он мой друг... Нет, больше, чем друг. Я его люблю».

За эту любовь Рахиль могли изгнать из общины, лишить семьи и друзей.

И тут, словно прочитав ее мысли, Гэнт принял за нее решение.

— Позвольте я отведу Фланна на задний двор, — сказал он, — и мы поговорим у вас дома.

Разумеется, любой случайно оказавшийся с тыльной стороны жилища Рахили человек обратит внимание

на коня необычной масти. Впрочем, она решила, что все-таки лучше говорить с Гэнтом в доме.

— Хорошо, — неверным голосом прошептала Рахиль. — Но вам нельзя надолго у меня оставаться.

На лице Гэнта не дрогнул ни один мускул. Он ничего не сказал, только развернулся и спотыкающейся походкой отправился за Фланном.

* * *

День клонился к концу, на кухне уже царил полумрак, но Рахиль и не думала запалить масляную лампу, поскольку про себя решила ограничить визит гостя самое большее парой минут.

Войдя в дом, Гэнт стянул с головы капитанскую фуражку. Когда хозяйка не пригласила его сесть за стол, он сам махнул рукой в сторону одного из стульев и спросил: «Можно?» Несколько мгновений поколебавшись, Рахиль в конце концов разрешила ему сесть.

Все шло против усвоенных ею с детства законов гостеприимства: она не предложила Гэнту ни поесть, ни хотя бы выпить чашечку кофе, хотя он, конечно, пришел не с визитом вежливости и, скорее всего, сразу перейдет к делу. Рахиль верно читала на лице Иеремии выражение тех или иных чувств и всегда тонко его чувствовала. Вот и теперь ей пришлось в голову, что предстоящий разговор с любимым человеком будет тяжелым, что бы он ни собирался ей сказать.

Гэнт подождал, пока она сядет, затем повесил трость на спинку стула, стоящего напротив стула Рахили, и сел на него.

Рахиль не могла заставить себя глянуть Иеремии в глаза. Так они и сидели молча до тех пор, пока тишина не стала неловкой.

— Я скучал по вас, Рахиль, — наконец заговорил Гэнт, наблюдая за ней и явно ожидая от нее ответа. Рахиль посмотрела в его сторону, но ничего не сказала. — Ну, здравствуйте?

Рахиль уже привыкла к его особой — может быть, обычной для ирландцев — манере спрашивать, как идут дела.

— Здравствуйте! У меня все в порядке... А у вас?

Как только Рахиль произнесла эти слова, ей стало совершенно ясно, сколь несообразно они прозвучали. Непривычно, казенно, чопорно. Словно они с Иеремией чужие люди.

Гэнт кисло улыбнулся и пожал плечами.

Хотя он был одним из тех, кто обычно не тратит времени даром и сразу берет быка за рога, сегодня ему это, по всей видимости, не удавалось.

— Вы ведь недавно виделись с Гедеоном? Он истинный труженик и мне в мастерской большая подмога. Я подумал, может, вам следует это знать.

— Я рада, — отозвалась Рахиль, — что он любит свое дело.

Гэнт едва заметно кивнул и сцепил на столешнице руки в замок.

Между ними вновь повисла пауза.

Наблюдавшей за Гэнтом Рахили не удавалось справиться с мерзким, словно покрытым слоем пыли, комом в горле.

— Вы хотели со мной поговорить. — Почему-то она не могла произнести его имени. Может, потому что оно ей очень нравилось. Имя Иеремия звучит настолько мелодично, что, произнося его, Рахиль всегда испытывала волнение. К тому же в эти мгновенья она чувствовала себя с ним на короткой ноге.

Однако бывшее чувство близости теперь казалось Рахили чем-то безрассудным, даже предательским.

Гэнт оторвал взгляд от стола и перевел его на Рахиль. Его глаза были окаймлены тенями. От уголков рта к подбородку пролегли две глубокие складки.

— Я перед вами виноват, Рахиль: мне следовало поговорить с вами раньше.

Рахиль чувствовала на себе взгляд Иеремии, но никак не решалась посмотреть на любимого человека, ибо не хотела слышать от него того, что он намеревался ей сказать. Что ни говори, а его слова разобьют ей сердце. Впрочем, она это предвидела.